

H. JUNGRAITHMAYR & M. HOLUBOVA. THE NGAS LANGUAGE: FUNDAMENTS OF GRAMMAR. TEXTS. DICTIONARY.

Berlin: Reimer, 2016, 261 pp.*

© 2018

О. В. СТОЛБОВА

DOI: 10.7868/S0869190818010284

Группу (а)нгас-гоемой западной ветви чадской семьи образуют тринадцать языков, на которых говорят в штате Плато, Нигерия. Первые сведения (небольшие списки слов) появились еще в 1911 г. За следующие сто лет интерес к этим языкам не ослабевал, хотя и ограничивался в основном исследованиями по фонетике и лексике. Так, Джозеф Гринберг, автор первой классификации афразийской макросемьи, реконструировал праафразийскую систему губных фонем на материале египетского и ангасских языков [Greenberg, 1958]. Весь собранный почти за сто лет лексический материал был систематизирован и представлен в виде «Сравнительного словаря» [Takács, 2004]. Но, несмотря на усилия миссионеров и профессиональных лингвистов, языки нгас исследованы недостаточно и крайне неравномерно. О некоторых (джорто, пьапун) до сих пор ничего не известно, кроме названия, статуса (язык – диалект) и приблизительного числа говорящих (такие данные есть в «Атласе языков Нигерии» [Blench, 2012]). Современные и подробные грамматики и словари написаны только для двух языков – мупун [Frayzingier, 1991, 1993] и гоемой [Hellwig, 2003].

Отдельную проблему представляет самый крупный язык этой группы – нгас (число говорящих в рецензируемой монографии оценивается в 400 тыс. человек). Три грамматических очерка [Foulkes, 1915; Bruquest, 1973; Gochal, 1994] написаны соответственно офицером английских колониальных войск, миссионером и носителем языка. С одной стороны, сопоставляя данные, представленные в этих работах, можно сделать некоторые выводы о развитии языка на протяжении восьмидесяти лет, с другой – непрофессионализм авторов не позволил им подняться выше описания отдельных фрагментов фонологической системы, элементов грамматики и выводов о том, что язык нгас «до крайности примитивен» [Foulkes, 1915, p. XVI – “primitive in the extreme”]. Таким образом, рецензируемая монография удачно заполняет лауну в описании языка.

Кроме того, собранные и проанализированные профессиональными лингвистами материалы могут служить аргументом в возобновившемся в последнее время споре о генетической принадлежности группы нгас.

В до-гринберговской классификации языков Африки основным критерием, по которому «хамитские» (семито-хамитские или афразийские¹) языки отделялись от «суданских», считалось наличие категории грамматического рода у имени существительного. Утрата этой категории языками нгас позволила считать их «суданскими».

Иная точка зрения – о принадлежности этой группы языков к чадской ветви афразийской семьи – была высказана в работе Дж. Гринберга «Языки Африки» [Greenberg, 1963]. Его доводы оказались убедительными, а рамки семито-хамитской (афразийской) семьи с тех пор не пересматривались. Однако в последнее время Р. Бленч, один из наиболее активных полевых лингвистов, работающих в Западной Африке², вернулся к обсуждению генетической принадлежности языков нгас, поскольку, по его мнению, их отличия от некоего «чадского стандарта» на всех языковых уровнях, кроме лексического, весьма существенны. Общая лексика, как он полагает, – результат заимствования, а сходство в фонетике и морфологии с языками ближайших соседей (джукун и др., семья бенуэ-конго) невозможно объяснить только длительными контактами.

Рассмотрим теперь, насколько рецензируемая монография существенна для решения проблемы классификации, с одной стороны, и каковы ее отличия от уже существующих очерков грамматики языка нгас, с другой.

* Юнграйтмайр Г., Голубова М. *Язык нгас. Основы грамматики. Тексты. Словарь*. Берлин: Раймер, 2016. 261 с.

СТОЛБОВА Ольга Валерьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. stolbova.o@yandex.ru.

¹ Первоначально – афро-азиатские, название введено в научный оборот Дж. Гринбергом.

² Весь собранный им лексический материал находится в открытом доступе на сайте www.rogerblench.info.

Как следует из предисловия, монография основана на материале, собранном Г. Юнграйтмайром в 1960-е гг. и М. Голубовой в период с 2005 по 2007 г. Монография, кроме Введения и подробной библиографии, включает в себя разделы “Основы грамматики”, “Тексты” и “Словарь”. По мнению авторов, “несмотря на склонность к изменениям и инновационный (с исторической точки зрения) характер, в языке все еще сохранились архаичные черты” (“Beside its highly progressive and historically innovative character, the language has still preserved ancient features” (с. 31)).

При описании фонологической системы акцент сделан на увеличении количества лабиализованных, палатализованных и преназализованных согласных в нгас по сравнению с другими языками этой группы. По мнению авторов, изначально назальный маркировал только названия животных и растений, а в дальнейшем преназализация распространилась на все имена с начальными смычными и фрикативными согласными. Интересно, что в книге Фолкса [Foulkes, 1915] вообще отсутствует раздел “Фонетика”, а в словаре нет имен с преназализованными согласными.

Основываясь на случаях свободного варьирования (*pee* ~ *pyee* и т.п.), авторы сделали вывод о вторичности палатальных согласных. Пример языка нгас может послужить аргументом в дискуссии о “палатализирующей просодии”, якобы существующей на суперсегментном уровне в центральночадских языках.

Следует отметить исчерпывающее описание тональной системы, внимание акцентируется на грамматической, лексической и синтаксической роли тональных различий в языке нгас. Отмечаются маркирование отглагольного имени с помощью изменения тонального рисунка (что характерно и для других чадских языков) и понижение тона у *Nomen regens* (такое маркирование генетивной конструкции не имеет аналогии).

В предисловии утверждается, что “трехуровневая тональная система (высокий, средний, низкий) полностью обеспечивает функционирование глагольной и именной морфологии” (с. 31). Однако в разделе 3.1. “Имя” приводятся примеры словоизменения и с помощью словосложения (например, *kwàt* ‘охота’, *ngò* ‘person’ > *ngòkwàt* ‘охотник’, *kwólm* ‘ложь’ > *ngòkwólm* ‘лжец’). Кроме того, на с. 55 отмечено, что “некоторые отглагольные имена образуются с помощью назального префикса” (*siir*³ ‘прощать’ > *nsiir* ‘прощение’, *raap* ‘быть грязным’ > *nraap* ‘грязь’). Авторы обнаружили всего семь подобных примеров, следовательно, эта модель уже не является продуктивной на синхронном уровне. К сожалению, вне поля зрения авторов оказались другие имена с лексикализованными префиксами. Это лексика из семантической группы ‘названия частей тела’: *gə-zəŋ* ‘нос’ (< чадского **k-sVn*, ср. в других чадских языках: бана *k-šən*, сукур *šin*); *tu-rgul* ‘лодыжка’, *tuur* (< **tu-gur*) ‘грудная клетка, ребра’, (см. когнаты в языках группы нгас: сура *tu-gur*, мушере *tu-kur*), форма без префикса представлена в языках гуус (*gəərə*) и мокилко (*gur-gum*).

Как отмечают авторы, личные местоимения языка нгас восходят к прачадским. Наиболее характерными являются местоимения 1-го л. (ед. и мн.ч.), а также 2-го л. ед.ч.м. и ж.р., восходящие соответственно к прачадским **ka* и **ki*. Типичной является и сама система, включающая личные самостоятельные, субъектные и два ряда объектных местоимений (прямого и косвенного падежей).

Наиболее подробно описана система аспектно-темпоральных форм глагола, которая делится на два класса. В парадигмах первого класса выступает собственно глагол, в парадигмах второго — отглагольное имя. По этому признаку перфект, субъюнктив и будущее время противопоставлены прогрессиву, привычке, будущему (аналогичному французскому *future proche*, “собираться что-то делать”). Как сама оппозиция, так и ее маркирование с помощью изменения тонального контура глагольной основы характерно для чадских языков.

Авторы акцентируют внимание читателя еще на одной форме глагола, типичной для всех чадских языков, которая служит для выражения более интенсивного, длительного или многократного действия. В работах по чадским языкам такая форма называется “pluractional stem”, см.: [Newman, 1990, p. 53]. В нгас, как и в других чадских языках, множественность действия может маркироваться лексически (*yel* ‘резать’ ~ *čan* ‘резать несколько раз’) или с помощью редупликации (*fet* ‘мести’ ~ *fet-fet* ‘мести тщательно’⁴). Наконец, даже в таком “инновационном” языке, как нгас, авторы обнаружили реликты архаичного способа образования таких форм — с помощью

³ Здесь и далее тон указывается только, если он имеет смыслоразличительную функцию.

⁴ См. следующий пример на с. 84: *ŋa fet-fet pii šat* “Я мету-мету пол всегда = Я всегда мету пол тщательно”.

инфикса — *r*- или апофонии (см., например: *niŋ* ‘жалить’ > *nšii nywaŋ ŋan* “пчела ужалила (несколько раз) меня”, с. 83).

Отмечу, что и в нгас, и в близкородственном языке сура формы, выражающие ‘множественность действия’, почти полностью лексикализованы и не отражают синхронную словообразовательную модель (“*pluractional forms are highly lexicalized and no longer reflect the existence of synchronic rules*”) [Blench, 2009, p. 59].

Авторы обращают внимание на то, что в нгас, как и в других чадских языках, отсутствует категория пассива, что частично компенсируется безличной конструкцией. Типичной для многих чадских языков (в которых, как и в нгас, нет глагола ‘иметь’) является и особая посессивная конструкция с предлогом ‘с’ (*kə*):

<i>ŋan</i>	<i>kə</i>	<i>ləmaarə</i>
1SG	с	Поле

“Я имею поле = у меня есть поле” (p. 98).

В разделе “Синтаксис” даны краткие сведения о структуре полипредикативных конструкций с обстоятельственными клаузами. Более подробно анализируются релятивные конструкции. Отмечено, что в качестве вершины таких конструкций могут выступать субъект, а также прямой и косвенный объекты, а зависимая клауза всегда следует за вершиной. Маркерами относительной конструкции являются вопросительное местоимение (в постпозиции к имени) и указательное — в конце клаузы. Низкий тон местоимения вызывает изменение тона у вершинного имени/местоимения. Как отмечено в монографии, оба маркера факультативны, таким образом, единственным надежным показателем относительной конструкции остается тональный контур вершины (это еще одно доказательство превращения тональной системы в универсальный инструмент маркирования на всех уровнях). См. следующие примеры на с. 138:

a. <i>Gó</i>	<i>dā</i>	<i>kè</i>	<i>Mét</i>	
Мужчина	DEM	3SG	уходить- PRF	
“Тот мужчина ушел”.				
b. <i>Góò</i>	<i>kè</i>	<i>mét</i>	<i>dā</i>	
Мужчина-INT		3SG	уходить- PRF	DEM
“Тот мужчина, который ушел”.				

Особый интерес представляет описание способов маркирования контрастивного фокуса в языке нгас. Аргумент глагола (субъект или объект), находящийся в фокусе, продвигается в начальную позицию, за ним следует маркер фокуса. Такая конструкция типична и для других языков этой группы, причем в качестве показателя фокуса всегда используется копула [Frajzyngier, 1993, p. 398; Hellwig, 2011, p. 397]. Напротив, предикативный фокус в нгас, который маркируется частичной редупликацией глагола⁵, не находит аналогий внутри группы, зато отмечен в других западно-чадских языках.

Монография содержит краткие сведения об актуальном членении. Сопоставляя конструкции с топиком субъекта в гоемай и нгас, можно еще раз убедиться в инновационном характере языка нгас, выражающемся в утрате маркера конструкции. Ср. следующие примеры:

<i>jaɾ</i>	<i>Men</i>	<i>kuma...</i>	
дети	3PI-POSS	TOP	
“Что касается наших детей, ...” [Hellwig, 2011, p. 308].			
<i>ŋán</i>	<i>ná</i>	<i>dáar</i>	<i>kà</i>
1SG-S	1SG-FUT	V-оставаться	NEG
“Что касается меня, я не останусь” [Jungräithmaug, 2016, p. 135].			

Замечу, что соответствующий раздел в грамматике языка мупун [Frajzyngier, 1993], содержит неубедительные примеры и довольно странные выводы. Так на с. 392 утверждается, что топикализация субъекта невозможна, поскольку он и так находится в начальной позиции (т.е. в позиции топика). Этот тезис опровергается приведенными выше примерами из языков нгас и гоемай.

⁵ *Ghæ* *kæni* *mu-muut*
Козел DET FOC-умереть.PRF

“Козел (именно) умер (а не был зарезан)” (с. 132).

Словарь языка нгас представляет особый интерес не только из-за значительного объема лексических единиц, но и благодаря многочисленным примерам их использования.

Рецензируемая монография представляет собой первое современное описание языка нгас. Работа основана на оригинальном материале, собранном авторами. Особо следует отметить тщательную обработку материала – прописан тональный контур всех лексических единиц, все примеры glossированы. В предисловии (с. 30) указаны характерные особенности языка, к которым авторы относят отсутствие категории грамматического рода, трехэлементную тональную систему и некоторые другие. Однако, по их мнению, инновации не ставят под сомнение генетическую принадлежность как самого языка, так и всей группы нгас-сура. Контрастивность и актуальное членение на материале чадских языков изучены очень слабо, так что монография окажет существенную помощь лингвистам-типологам, работающим в этой области.

Сопоставление лексики, представленной в монографии, и в работе, опубликованной в начале XX в. [Foulkes, 1915], дает представление об изменениях, произошедших за сто лет. Эти сведения могут быть полезны при изучении языковых контактов и в работах по лексикостатистике. Объем общей лексики на уровне группы и значительное количество общечадской лексики, сохранившейся в языке нгас, является доказательством родства языков нгас с другими чадскими.

Некоторые замечания были изложены в тексте. Кроме того, можно указать на следующие недочеты. К сожалению, раздел “Тексты” фактически содержит лишь один текст.

Неверно определена модель образования мн.ч. глагола ‘умирать’, а именно: “*muut* > *mwarap*, инфикс *-r-*, апофония, и переход *t* → *p*” (с. 81). На самом деле, мн.ч. образовано по стандартной модели – с помощью апофонии и суффикса *-p*: *muut* > *mwar-ap*⁶. См. аналогичные примеры из других языков этой же группы (мупун и сура):

Muut > *mur-ap* ‘умереть’, *at* > *ir-ap* ‘кусать’, *pet* > *per-ep* ‘звать’ [Blench, 2009, p. 57].

Pet > *pr-ep* ‘звать’, *seet* > *sr-ep* ‘покупать’ [Frajzyngier, 1993, p. 57].

Инновационный характер языка нгас в области фонологии можно было бы подтвердить на сравнительном материале. Например, в нескольких языках группы нгас сохранились формы множественного числа, образованные с помощью инфикса *-k*, однако, в самом языке нгас они отражаются как лексемы с долгим гласным (из-за лениции велярного в интервокальной позиции). См., например: сура *səgər*, мушере *šikir* ‘роса’ ~ нгас *süür* и т.п.

Эти замечания несколько не умаляют значимость рецензируемой монографии. Она представляет интерес не только для специалистов в области афразийских языков, но и для африканистов, этнографов, полевых лингвистов, типологов. После публикации монографии вопрос о принадлежности языков нгас к чадской семье можно считать окончательно решенным.

СОКРАЩЕНИЯ

DEM – указательное местоимение	PRF – перфект
FOC – фокус	S – субъектное местоимение
FUT – будущее время	SG – ед. число
INT – вопросительное местоимение	TOP – топик
NEG – отрицание	V – глагол
POSS – посессивное местоимение	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Blench R. Mwaghavul pluractional verbs // *Topics in Chadic Linguistics V*. Köln: Köppe, 2009. Pp. 51–67.
- Blench R. *An Atlas of Nigerian Languages: Third Version* // www.rogerblench.info/RBOP.htm. 2012.
- Burquest D.A. *A Grammar of Angas*: PhD Dissertation. University of California, 1973.
- Foulkes H. D. *Angass Manual*. London: Kegan, Trübner & Co, 1915.
- Frajzyngier Z. *A Dictionary of Mupun* // *Marburger Studien zur Afrika- und Asienkunde*. Vol. 11. Berlin: Reimer, 1991.
- Frajzyngier Z. *A Grammar of Mupun*. Berlin: Reimer, 1993.

⁶ В интервокальной позиции *-t-* > *-r-* во всех языках группы нгас-сура.

- Gochal G. *A Look at Shik Ngas*. Jos (Nigeria): Jos University Press, 1994.
- Greenberg J. H. The labial consonants of proto Afro-Asiatic // *Word*. Vol. 14. 1958. Pp. 295–302.
- Greenberg J. H. *Languages of Africa*. Bloomington: Indiana University, 1963.
- Hellwig B. *A Grammar of Goemay*. Berlin: de Gruyter, 2011.
- Hellwig B. *A Dictionary of Goemay* (unpublished).
- Jungraithmayr H. Die Sprache der Sura (Maghavul) in Nordnigerien // *Afrika und Übersee*. Vol. 47. 1963. Pp. 8–89, 204–220.
- Jungraithmayr H. Texte und Sprichwörter im Angas von Kabwir (Nordnigerien), mit einer grammatischen Skizze // *Afrika und Übersee*. Vol. 48. 1964(1). Pp. 17–35, 114–127.
- Jungraithmayr H. Materialien zur Kenntnis des Chip, Montol, Gerka und Burrum // *Afrika und Übersee*. Vol. 48. 1964(2). Pp. 161–182.
- Newman P. *Nominal and verbal Plurality in Chadic*. Berlin: de Gruyter, 1990.
- Takács G. *Comparative Historical Dictionary of the Angas-Sura Languages*. Berlin: Reimer, 2004.